

УДК 347.441.6

DOI 10.36511/2078-5356-2019-3-113-118

Давыдова Марина Леонидовна
Marina L. Davydova

доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного и муниципального права

Волгоградский государственный университет (400062, Волгоград, пр-т Университетский, 100)

doctor of sciences (law), professor, head of the department of constitutional and municipal law
Volgograd State University (100 University av., Volgograd, Russian Federation, 400062)

E-mail: davidovavlg@gmail.com, davidovaml@volsu.ru

Козлова Марина Юрьевна
Marina Yu. Kozlova

кандидат юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института права
Волгоградский государственный университет (400062, Волгоград, пр-т Университетский, 100)

candidate of sciences (law), associate professor, Institute's of law leading researcher
Volgograd State University (100 University av., Volgograd, Russian Federation, 400062)

E-mail: kozlova@volsu.ru

Некоторые тенденции развития юридического языка современного гражданско-правового договора

Some trends in development of the modern civil contract language

В статье проблемы договорной юридической техники рассматриваются в контексте современных тенденций к упрощению языка и демократизации профессиональной юридической деятельности. Эти тенденции приводят к языковому и содержательному упрощению текста договора, к минимизации содержащейся в нем информации и средств ее выражения, к попыткам замены профессиональной терминологии на быденную лексику. Авторы показывают, что подобная трансформация имеет вполне объективные основания, однако последствия ее могут носить как позитивный, так и негативный характер. Это позволяет ставить вопрос о пределах допустимого упрощения, которыми выступают полнота и точность выражения смысла юридического текста.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00251 «Тенденции развития языковых средств юридической техники гражданско-правового договора».

Ключевые слова: юридический язык, язык права, договор, язык договоров, договорная юридическая техника, юридический термин, юридическая конструкция.

The article deals with the problems of contractual legal technology in the context of modern tendencies to simplify the language and democratize professional legal activity. These trends lead to the fact that the language and content of the contractual text become simpler, means of expression are minimized, professional terminology is often replaced with ordinary vocabulary. The authors show that such a transformation has quite objective reasons, however, its consequences can be both positive and negative. This allows us to raise the question of the limits of permissible simplification, which are the completeness and accuracy of the expression of the text meaning.

The reported study was funded by RFBR according to the research project no. 19-011-00251 "The tendencies of juridical technique's language means development in civil contract".

Keywords: legal language, language of law, contract, language of contracts, contractual legal technique, legal term, juridical construction.

© Давыдова М.Л., Козлова М.Ю., 2019

У лиц, которые не занимаются юридической деятельностью, но используют в своей практике договоры, может сложиться впечатление, что юристы манипулируют своими знаниями, создают ореол таинственности вокруг собственной работы, подобно римским жрецам. Как гласит легенда, писец реформатора Аппия Клавдия Флавий похитил у жрецов формуляры исковых производств и календарь ведения судебных дел [1, с. 23]. В наше время, очевидно, роль Флавия играет Интернет с разнообразными предложениями готовых договоров, а также справочные правовые системы с их конструкторами договоров.

Традиционные представления о структуре, элементах, юридической технике гражданско-правового договора изменились в связи с появлением так называемых «умных» контрактов (смарт-контрактов), которые представляют собой компьютерную программу, позволяющую заключать и исполнять стандартизированные договоры с помощью электронных устройств. Более того, появление смарт-контрактов сводит к нулю саму необходимость использовать юридическую технику при составлении договора, поскольку ее заменяет компьютерный алгоритм. Смарт-контракты являются договорами присоединения и вступают в силу при наступлении какого-либо заранее определенного условия (поступления платежа, объективно наступившего страхового случая и т. д.). Соответственно, в таких договорах юридический язык уступает ведущую роль языку программирования. В качестве реакции законодателя на распространение такого явления, как смарт-контракты явилось изменение редакции пункта 2 статьи 434 ГК РФ, согласно которому к письменной форме договора приравнивается обмен данными с помощью электронных либо иных технических средств, позволяющих воспроизвести на материальном носителе в неизменном виде содержание сделки.

Вместе с тем, по крайней мере, в настоящее время, смарт-контракты применимы к ограниченному кругу гражданско-правовых отношений и имеют ряд сложностей в их реализации. Так, контрагенту, присоединяющемуся к договору, сложно проверить его действительные условия, а также подтвердить факт заключения договора.

Кроме того, большинство гражданско-правовых договоров не поддаются стандартизации, опосредуют уникальные отношения контрагентов, поэтому вопрос о значении договорной юридической техники по-прежнему актуален. Игнорирование технико-юридических требований применительно к гражданско-правовым до-

говорам может привести к не всегда предсказуемым последствиям для контрагентов.

Анализ типовых договоров, преимущественно, заключаемых с потребителем, материалов судебной практики, а также информационных ресурсов, позволяющих конструировать договоры, позволяет говорить о том, что в договорной практике проявляется тенденция отказа от шаблонов и сложных словесных конструкций, не несущих в себе какой-либо содержательной нагрузки [2] и являющихся, скорее, данью традиции («мы, нижеподписавшиеся, заключили настоящий договор о нижеследующем», и т. п.). Объемная преамбула договора все чаще не содержит полного наименования сторон с указанием их представителей, так как все эти данные указываются в разделе «Реквизиты сторон», а предмет договора описывается максимально коротко, но со ссылками на дополнительные документы (например, так: «Исполнитель устно и письменно консультирует заказчика по вопросам, указанным в приложениях к договору»).

Тенденция к упрощению проявляется не только на уровне языкового качества договора. Ее следствием является, например, уменьшение количества документов, которые должны быть согласованы сторонами. Например, вместо договора, счета на оплату, акта выполненных работ (оказанных услуг) может быть подписан единый документ, который выполняет все три функции. В договоре купли-продажи недвижимости может содержаться условие о том, что подписание договора означает, что недвижимость передана продавцом покупателю: таким образом, один документ является и договором, и актом приема-передачи объекта недвижимости, наличие которого обязательно в силу закона.

Можно сделать вывод о том, что современной тенденцией в договорной практике является стремление к максимальному упрощению текста договора, включая, с одной стороны, *упрощение языка* за счет более ясных формулировок, а с другой — *упрощение содержания* за счет отказа от воспроизведения лишних конструкций (например, дублирующих положения действующего законодательства). Отметим, что эта тенденция имеет в себе рациональное зерно, однако упрощение текста договора не всегда может привести к желаемым результатам.

Начнем с проблемы избыточного воспроизведения положений действующих нормативных актов в тексте договора. Правила, установленные Гражданским кодексом, распространяют свое действие на договорные отношения независимо от того, согласны ли с ними стороны

конкретной сделки. Поэтому нет никакого смысла в дословном и, тем более, приблизительном (искажающем смысл) пересказе этих правил в тексте договора.

Аналогичный вопрос ставится в науке применительно к локальным нормативным актам. Большинство исследователей при этом негативно оценивают практику дублирования в них правовых норм [3, с. 12, 33, 35—36; 4, с. с. 287; 5, с. 51—52], выдвигая в качестве критерия качества локального акта предписательную минимальность [6, с. 26], то есть включение в текст только необходимых и достаточных предписаний. В числе причин информационной избыточности локальных актов Е.Ю. Калюжнов [6, с. 111—112] называет следующие:

— унаследованное с советских времен недоверие к негосударственным документам, ориентация на советскую традицию «типовых актов», изменяемых только в сторону дополнительного увеличения объема;

— склонность к стандартизации актов (в т. ч., в связи с дефицитом профессионального мастерства исполнителей и их повышенной рабочей нагрузкой);

— стремление разработчиков к максимальной информативности (в условиях недостаточной правовой грамотности участников правоотношения, субъективной сложности для них доступа к законодательным текстам и их понимания).

Думается, все те же факторы действуют и применительно к технике составления договора. С той только разницей, что здесь может иметь значение и еще один мотив: попытка солидным объемным текстом произвести впечатление на контрагента, особенно, если его правовые знания не позволяют отличить в этом тексте нормативные цитаты от условий, требующих согласия сторон.

Вторая тенденция связана с постепенным стиранием границ между профессиональным юридическим языком и языком обыденным.

С одной стороны, развитие Интернета обеспечивает доступность правовой информации, давая человеку возможность самому разобраться в сути некоторых правовых институтов. Кроме того, технологии цифровизации юридической деятельности, появление многочисленных электронных сервисов позволяют самостоятельно решить многие проблемы, не обращаясь за юридической помощью. Все это создает иллюзию постепенного «усыхания» профессии юриста, ненужности, избыточности специальных знаний, в том числе сложной юри-

дической терминологии. На самом деле речь идет лишь об иллюзии [7], тем не менее запрос на упрощение юридического языка объективно существует и является следствием общей тенденции демократизации права и юридической деятельности.

С другой стороны, есть и общеязыковая тенденция к упрощению и повышению доступности речи, которая проявляется, в частности, в популяризации такого явления, как информационный стиль [8]. Освобождение языка от громоздких словесных конструкций и канцеляризм, умение выразить мысль ясно и лаконично крайне важны для современного общения, учитывая скорость и объем появления новой информации.

Юридический язык не может оставаться в стороне. Разумеется, тенденция к упрощению, в первую очередь, должна охватить наименее формализованные его слои: профессиональную речь юристов, затем блок документов, исходящих от частных лиц (договоры, локальные правовые акты), и только потом публично-правовую сферу: правоприменительные и нормативные правовые акты, исходящие от государства.

Важным вопросом являются при этом пределы допустимого упрощения. Дело в том, что далеко не всегда тяжеловесные языковые конструкции оказываются бесполезными канцеляризмами. Избавление от многих из них искажает смысл юридического текста.

Текст, в том числе и юридический, предполагает множественность смыслов и значений, обусловленных многозначностью его элементов. Простота текста не всегда означает, что его юридическое содержание будет правильно понято всеми участниками правоотношения с учетом контекста.

Приведем примеры. В суде рассматривался иск арендатора, у которого было похищено находящееся в торговом помещении имущество. Арендатор считал, что ответственность за причиненный вред должен нести арендодатель. В обоснование иска было указано, что согласно пункту 1.5 договора аренды «арендодатель обязан предоставить арендатору имущество в состоянии, соответствующем условиям: предоставление охранной сигнализации, соответствие требованиям пожарной безопасности, стандартных правил». Суд отказал в иске, указав, что между сторонами не было отношений хранения имущества, арендодатель не брал на себя ответственности за сохранность имущества [9]. Таким образом, обыденное понимание арендатором условий договора, без учета существа арендных отношений, привело к имуще-

ственным потерям, как минимум связанным с участием в заведомо безнадежном деле.

В другом деле истец обратился в суд с иском о взыскании основного долга и процентов по договору займа, ссылаясь на неисполнение обязательства заемщиком. В суд был представлен письменный договор займа, в соответствии с которым займодавец передает заемщику в заем денежную сумму наличными, а заемщик обязуется возвратить указанную сумму в обусловленный договором срок в полном объеме. Кроме договора, иных доказательств не было представлено. Истец полагал, что глагол текста договора «передает» не предполагает будущего действия, поэтому передача денег доказана. Однако истец не учел особенностей договора займа, который являлся реальным договором (согласно действовавшему на момент рассмотрения дела законодательству). Поэтому никакие предварительные договоренности не породили обязательств [10].

В рассматриваемых ситуациях обыденный и юридический смысл одних и тех же юридических конструкций не совпадали, а, кроме того, правильное уяснение юридического смысла текста было возможно только на основании профессиональных юридических знаний.

Ранее [11] мы приводили примеры того, как в стремлении к благозвучности некоторые авторы рискуют потерей юридической точности формулировок и предлагают заменить конструкцию «руководить своими действиями (бездействием)» на «руководить своими действиями либо пребывать в бездействии», а выражение «причиняются последствия» на «наступают последствия», не замечая, что в полученных формулировках пропадает субъективный момент.

В гражданском законодательстве также достаточно много конструкций, которые могут показаться избыточными, заслуживающими упрощения. Уже в первой статье ГК РФ встречаем упоминание недопустимости *произвольного вмешательства кого-либо в частные дела*. Слово «произвольного» может показаться лишним, ведь можно предположить, что любое вмешательство в частные дела недопустимо. Однако не допускается именно произвол, а вмешательство на основании решения суда или в случае чрезвычайных обстоятельств возможно.

Здесь же говорится о необходимости *беспрепятственного осуществления гражданских прав*. Тот факт, что права осуществляются, казалось бы, сам по себе предполагает отсутствие каких-либо препятствий. Однако и слово «беспрепятственного» здесь важно. Как отмеча-

ет В.Ф. Яковлев, «никто не может препятствовать другому лицу осуществлять его гражданские права, а сам обладатель субъективного права пользуется юридической возможностью требовать устранения препятствий к осуществлению права либо восстановления права, которое уже нарушено» [12].

В формулировке принципа *обеспечения восстановления нарушенных прав* лишним можно было бы признать слово «обеспечение». Но смысл данного принципа как раз и заключается в том, что государство должно определить, обеспечить механизмы восстановления нарушенных прав, а восстанавливаются они по инициативе заинтересованных лиц.

В определении понятия добросовестного приобретателя (ст. 302 ГК РФ) использована конструкция «*не знал и не мог знать*», которую редактор-филолог, скорее всего, предложил бы сократить до «не знал». Но такое «улучшение» означало бы, что в качестве добросовестных приобретателей будут рассматриваться лица, не имеющие элементарных логических навыков и не способные предположить в определенной сомнительной ситуации, что имущество продается лицом, не являющимся его собственником. Аналогичным образом срок исковой давности начинает течь с момента, когда лицо *узнало или должно было узнать* о нарушении своего права (ст. 200 ГК РФ), а не с момента нарушения права.

Еще одна тяжеловесная конструкция: «лицо, *не исполнившее или ненадлежащим образом исполнившее обязательство*» (п. 3 ст. 401 ГК РФ) кажется избыточной, потому что лицо, исполнившее обязательство ненадлежащим образом, не может рассматриваться как исполнившее обязательство, а значит, достаточно было бы говорить о лице, не исполнившем обязательство. Тем не менее правовые последствия полного неисполнения и исполнения с нарушениями (ненадлежащим образом) разные, что и отражает приведенная законодательная формулировка.

Если весь абзац приведенной статьи (п. 3 ст. 401 ГК РФ) оценить с помощью сервиса для редактирования «Главред» (<https://glvrd.ru>), общая оценка текста составит 6-7 баллов из 10 возможных с комментарием: «Так говорят роботы-чиновники. Скажите проще и человечески». В качестве основных недостатков текста указывается наличие «стоп-слов» (9 шт.) и канцеляризм.

Несложно привести и другие примеры выражений, которые вызовут резкую критику ре-

доктора-филолога: «отношения по поводу имущества», «возбуждение дела», «прекращение договора», «прекращение юридического лица». Однако такие формулы в корне отличаются от обычных канцеляризованных — шаблонных оборотов официально-деловой речи («осуществление контроля», «достижение возраста»), профессионализмов — разговорных заменителей официальных терминов («отписать решение», «засилить приговор») и просто типичных для профессионального юридического языка ошибок («осужденный»). Метафора «формулы» в данном случае очень удачно иллюстрирует идею о том, что в словах, используемых в таких юридических конструкциях, зашифрован некий смысл, не всегда явный для непосвященных. Во многих подобных ситуациях неудачное, казалось бы, словоупотребление в качестве юридического термина выступает как оптимальный вариант, наиболее кратко и точно отражающий смысл понятия, «разворачивается» в сознании юриста, образуя сложную смысловую структуру [13].

Нельзя не признать тенденции к упрощению практически во всех сферах современной жизни. Очевидно, это касается и языка юридических документов. Если речь идет о типичных обязательственных отношениях, которые урегулированы действующим гражданским законодательством, то вполне вероятно, что негативные последствия упрощения языка юридического документа будут отсутствовать. Однако следует учитывать, что для языка юридических документов характерен официально-деловой стиль, предусматривающий использование специальных терминов, отсутствие эмоциональной окраски, недопустимость просторечных выражений.

Упрощение языка гражданско-правовых договоров, которое внешне имеет ряд преимуществ перед использованием традиционных словесных оборотов и более сложных языковых конструкций, таит в себе риски, связанные с непониманием юридического смысла возникающих между сторонами отношений, а также их юридических последствий. Риски могут быть связаны с последующим возможным признанием договора незаключенным или недействительным.

Язык выступает средством коммуникации, в договоре же находят свое отражение цели, которые преследуют стороны. У сторон не должно быть различного понимания одних и тех же терминов, разных представлений о том или ином условии договора. Такие разночтения обнаруживаются в процессе конфликта, и, как правило, выявляются судом.

В договорах, оформленных в виде единого документа, должны быть зафиксированы максимально точно все элементы достигнутого компромисса. Немаловажно, что понимание всех условий договора должно совпадать не только у сторон договора, но и у третьих лиц, в том числе у суда. Текст договора должен быть ясным, недвусмысленным, не предполагающим различных толкований. Поэтому объяснимо стремление сторон упростить используемый язык договора, уменьшить количество согласовываемых условий, отказаться от услуг юриста. В то же время такой подход чреват тем, что не все риски, сопровождающие отношения контрагентов, могут быть учтены, а обыденное понимание терминов может отличаться от юридического.

Примечания

1. Новицкий И.Б. Римское право. М., 1993. 245 с.
2. Инфостиль в юридических документах. URL: <https://www.facebook.com/naidemkopiraitera/posts/1129141043807269> (дата обращения: 28.11.2018).
3. Жильцов М.А. Дефекты трудового права и способы их преодоления: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2011. 459 с.
4. Кашанина Т.В. Юридическая техника. М., 2012. 496 с.
5. Степанов Д.И. Устав как форма сделки // Вестник гражданского права. 2009. № 1. С. 4—62.
6. Калюжнов Е.Ю. Теоретико-правовые основания правил техники локального нормотворчества: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. 31 с.
7. Иванов А. Машинизация права или юридизация машин // *Zakon.ru*, 03.03.2017. URL: https://zakon.ru/blog/2017/3/3/mashinizaciya_prava_ili_yuridizaciya_mashin (дата обращения: 10.01.2019).
8. Ильяхов М., Сарычева Л. Пиши и сокращай. Как создавать сильный текст. М., 2017. 440 с.
9. Постановление Четвертого арбитражного апелляционного суда от 15.08.2017. Дело № А78-5215/2017. URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/650e8e18-e725-4173-82cb-c22739569a7c> (дата обращения: 12.01.2019).
10. Апелляционное определение суда Ханты-Мансийского автономного округа № 33-1170/2017 от 02.02.2017. Дело № 33-1170/2017. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/anGVd40Zobgm/> (дата обращения: 12.01.2019).
11. Давыдова М.Л., Филимонова Н.Ю. Юридические термины — профессионализмы — профессиональный жаргон: разграничение понятий и соотношение функций // *Гуманитарные науки и образование. Научно-методический журнал*. 2016. № 3 (27) (июль—сентябрь). С. 102—106.

12. Яковлев В.Ф. Россия: экономика, гражданское право (вопросы теории и практики). М.: РИЦ ИСПИ РАН, 2000. 224 с.

13. Давыдова М.Л. Юридические конструкции как основа профессионального юридического образования // Известия Волгоградского государственного технического университета. Серия: Проблемы социально-гуманитарного знания. 2013. Т. 12. № 2 (105). С. 124—127.

Reference

1. Novitsky I.B. Roman law. Moscow, 1993. 245 p. (In Russ.)
2. Infostyle in legal documents. URL: <https://www.facebook.com/naidemkopiraitera/posts/1129141043807269> (accessed 28.11.2018). (In Russ.)
3. Zhiltsov M.A. Defects of labor law and ways to overcome them. Author's abstract... doctor of sciences (law). Ekaterinburg, 2011. 459 p. (In Russ.)
4. Kashanina T.V. Legal technology. Moscow, 2012. 496 p. (In Russ.)
5. Stepanov D.I. Charter as a form of transaction. *Bulletin of civil law*, 2009, no. 1, pp. 4—62. (In Russ.)
6. Kalyuzhnov E.Yu. Theoretical and legal foundations of the rules of local rulemaking techniques. Author's

abstract... candidate of sciences (law). Moscow, 2015. 31 p. (In Russ.)

7. Ivanov A. Machinery law or legalization of machines. *Zakon.ru*, 03.03.2017. URL: https://zakon.ru/blog/2017/3/3/mashinizaciya_prava_ili_yuridizaciya_mashin (accessed 10.01.2019). (In Russ.)

8. Ilyakhov M., Sarycheva L. Write and cut. How to create a strong text. Moscow, 2017. 440 p. (In Russ.)

9. Resolution of the Fourth Arbitration Court of Appeal dated August 15, 2017. Case no. A78-5215/2017. URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/650e8e18-e725-4173-82cb-c22739569a7c> (accessed 12.01.2019). (In Russ.)

10. The appeal ruling of the court of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug no. 33-1170/2017 dated 02.02.2017. Case no. 33-1170/2017. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/anGVd40Zobgm/> (accessed 12.01.2019). (In Russ.)

11. Davydova M.L., Filimonova N.Yu. Legal terms — professionalism — professional jargon: the distinction between concepts and the ratio of functions. *Humanities and education. Scientific and methodical journal*, 2016, no. 3 (27) (July—September), pp. 102—106. (In Russ.)

12. Yakovlev V.F. Russia: economics, civil law (theory and practice). Moscow: RIC ISPI RAS Publ., 2000. 224 p. (In Russ.)